

Светлана Малышева

Его Алмазом кличут...

Светлана Малышева

Его Алмазом кличут...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63936907

ISBN 9785005318220

Аннотация

Журналист Игорь едет в глушь, чтобы взять интервью у старика-долгожителя. Но уже в пути он узнает, что местные зовут дедушку Алмазом, а на свои стандартные вопросы он получает неожиданные ответы. Поездка переворачивает жизнь Игоря с ног на голову. Он понимает, что причин такого прозвища две, одна из которых – тайный поступок старика...

Содержание

Пролог	5
1	8
2	11
3	17
4	21
5	25
6	29
7	32
8	37
9	41
10	45
11	49
12	53
13	56
14	60
15	65
16	70
17	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Его Алмазом кличут...

Светлана Малышева

© Светлана Малышева, 2022

ISBN 978-5-0053-1822-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Железная дорога всегда манила и вместе с тем страшила меня, словно какая-то древняя тайна, лежащая в основе бытия, которая не открывается никому, а только лишь избранным. И эти немногие носители великого сокрытия несли ее через всю свою жизнь как бремя, не поведав ни одной живой душе. А если же простой обыватель из-за своего неумного любопытства осмелится узнать эту тайну, то будет подвержен возмездию...

Хотя, что там... Железная дорога – это всего лишь огромные многотонные вагоны из железа и рельсы со шпалами, все просто. Однако в путешествиях на таком транспорте все же есть некая необъяснимая притягательность. Здесь ты не привязан ни к чему: ни к дому, ни к работе. Ты словно бы нигде и в то же время – в нескольких местах одновременно. А если едешь в одиночестве, погруженный в себя и процесс движения, то дорога превращается в приключение.

Так случилось и со мной. Эту историю рассказал мне мой попутчик. В ту поездку я возвращалась домой от своей сестры из Архангельска. Лето было в самом разгаре, и я лицезрела его прекрасные мотивы через помутневшее окно. Но в пути я была уже около восьми часов, и мелькающие, проскальзывающие рябью в глазах, деревья изрядно мне поднадоели. Оттого, в надежде хоть как-то скоротать время в дороге, я

решила написать рассказ.

Печатное слово еще в школе полюбилось мне. Я обожала уроки литературы, читала книги взахлеб и сочиняла стихи. Но вот уже несколько последних лет я вынашивала идею написать прозаическое произведение. После нескольких неудачных попыток я забросила эту затею и махнула на себя рукой. Но вот теперь, сидя одна в тихом уютном купе, снова взялась за ручку. Мысли и слова путались в моей голове, отчего я не смогла выразить их на бумаге. И снова ничего... Раздражение от собственного неумения нарастало во мне, и я, бросив ручку на стол, повернула голову к окну.

Поезд остановился на неизвестной мне станции. В окне я увидела небольшую группу людей, направляющихся к дверям вагона. Дверь в мое купе открылась, и, вежливо поздоровавшись, вошел он.

Приятный молодой мужчина, спокойно и почти не обращая внимания на меня, положил свои вещи на кровать, сел сам и, задумавшись, посмотрел в окно. Я же, будучи молодой девушкой, немного смутилась.

Наш разговор завязался не сразу. Сперва он просмотрел газету и, видимо, не найдя в ней ничего интересного, отложил в сторону и взглянул на меня.

– Скучаете? – так же мягко спросил он.

– Да вот рассказ хочу написать, но что-то не выходит. Вдохновения нет. Где только писатели его берут?! – в моем голосе чувствовалось разочарование.

– Вдохновение – сама жизнь... – сказал он спокойно и с улыбкой. – Меня, кстати, Игорь зовут, а вас?

Так мы познакомились. Наш разговор длиною в целый путь начался с пустяков вроде погоды и духоты в вагонах. Видя мою молодость, вначале он хотел говорить «на моем языке» – легко и непринужденно, используя молодежный сленг. Но я видела, что глаза моего попутчика выдавали в нем человека, которого не интересуют недавно вышедшие модели телефонов и цены на коктейли в кафе. Его не могут по-настоящему интересовать такие мелочи. Он был глубокий. Заметив это, я осмелилась сказать ему об этом. Он же удивился моей проницательности:

– Все мы рано или поздно становимся другими, – так он начал свой рассказ...

1

Я хорошо помню тот день. Докуриваю сигарету, уже не знаю, какую по счету, и рука машинально тянется к пачке за следующей. Увидев, что сигарет больше нет, я словно проснулся. Понял, что эти час или два я стоял на балконе, что уже вечереет и что вообще-то сейчас осень, а я легко одет. Голова моя была окутана не столько дымом, сколько мыслями самого разного содержания. Они вытекали одна из другой и путались, собираясь в неясные образы и чувства. Даже не помню, о чем я думал, скорее, я приходил в себя. Пробыв в таком своеобразном трансе, я забыл о времени и о том, кто я. Эта поездка напрочь вывела меня из равновесия, но с другой стороны, чем больше я пытался понять происходящее, тем более ясно осознавал, что как раз это путешествие к равновесию меня и приводит. Таким я себя еще не знал.

Главный вопрос, который меня мучил: «Как мне заключить в статью, размером в три колонки, все то, что я узнал об этом человеке?» Это просто невозможно. Тем более мне, журналисту, специализирующемуся на новостных статьях. «Нет! Нет! Не-воз-мож-но! Чего от меня хочет Лисицын?» – говорил я сам себе. Мое возмущение и негодование нарастало. Глаза забегали по комнате в поисках сигарет. «Черт! Так и придется спускаться!» – снова вслух сказал я, резкими

движениями накидывая на плечи куртку.

По дороге в магазин я продолжал думать. Еще семь часов назад я летел в самолете, возвращаясь из командировки. И не откуда-нибудь, а из Красноярска. Из Сибири! Для меня это была невозможная даль, край света! Но лишь до поездки туда... Я ужасно измотался в дороге, но, вернувшись домой, не смог уснуть, мешали мысли. И вспомнив, что у меня еще и завтра выходной, что и завтра я буду целый день в «забвении», накатила какой-то ужас. Много думать, оказывается, очень вредно. Затяжные мыслеформы давят на человека, что не приводит ни к чему хорошему.

Я не заметил, как вернулся домой. Покурив в очередной раз и выпив остаток молока, я включил телевизор, надеясь отвлечься, но довольно скоро заснул под монотонное бормотание диктора.

Яркое солнце, направляющее свои лучи мне прямо в глаза, заставило проснуться. «Неужели я проспал до трех часов?» – подумал я и вскочил с кровати. Учтывая, что солнечно в моей квартире становится после обеда, то да... «Точно, 15.20», – убедился, взглянув на часы. Зато я пребывал в отличном настроении! Мне было легко! Все-таки вчера я переутомился.

Я ловко определился с дальнейшим планом действий: в статье будет только то, что положено по регламенту, согласно содержанию. Но остальное не должно пропасть и кануть в лету, многим людям, наверно, будет интересно узнать

об Алмазе. Поэтому основное и, пожалуй, самое интересное я заключу в отдельную книгу. «Пусть я не писатель, но напишу, как обыватель. Ого! Даже стихами заговорил! Вот что значит свежая голова!» – думал я тогда. Да и само решение о статье и книге будто само родилось, так просто. Только вот спустя время я понял, что писанины мне хватает на работе. Но свои заметки про Алмаза все же не выбросил. До сих пор ношу с собой, как реликвию.

2

Меня зовут Игорь Новожилов. Тогда, три года назад мне было 35 лет. Я работал журналистом в одной из городских газет.

Биография моя весьма скудная. Садик-школа-институт и работа, работа... Я закончил факультет связей с общественностью, после чего стал работать на одно малоизвестное издание. Поняв, что надо развиваться, перешел в другую газету, в которой работаю до сих пор. На тот момент это был, пожалуй, единственный шаг в развитии собственного профессионализма.

Мои родители живут неподалеку от меня, в соседнем районе города. Я стал жить отдельно лет восемь-десять назад. Как и большинство молодых и амбициозных парней я захотел самостоятельности. Как показало время, моя амбициозность смогла проявить себя только в этом поступке. И смешно и грустно. В общем, я снял квартиру, в которой жил до недавнего времени. Сейчас думаю: почему за столько лет меня ни разу не посетила мысль о собственной недвижимости? Ведь были деньги...

Несмотря на территориальную близость родителей, я редко ездил к ним, наверное, даже очень редко. Не потому что не было времени, просто отчего-то мне у них было неуютно. Внутри меня всегда сидел страх того, что после обсуж-

дения наших новостей наступит тягостное молчание. И, желая скорее прервать его, отец начнет констатацию фактов моей жизни: мне «четвертый десяток», нет своей семьи, нет своего жилья, нет серьезных увлечений. Я и сам знал все это. И от таких напоминаний лучше мне не становилось. Эти темы давили на мои больные места, однако раны не болели сами по себе, а только тогда, когда их бередили. Я не страдал от своей жизни, потому что не понимал тогда всей тяготы своего существования. Я жил легко, даже слишком, пожалуй. Никаких забот, ходил на работу и только. Родители же никогда не упускали случая напомнить мне о моей же никчемности и убедить, что все это неправильно. Нет, я не был раздолбаем, но человеком полезным, толковым я тоже не был. Они изливали свою критику очень тактично и вежливо, желая показать мне таким образом, что любят меня и хотят для меня самого лучшего.

Что касается личной жизни, то я не был женат... Нет, не то что бы я переживал по этому поводу, но было как-то не по себе. Примерно за месяц до того моего путешествия от меня ушла девушка. Мы жили с ней в гражданском браке 6 лет. Нас познакомили друзья, все банально. На тот момент мы оба были свободны, но о серьезных отношениях я еще не думал. Наташа, судя по всему, заинтересовалась мной. Инициатива почти всегда исходила от нее, я же не сопротивлялся. Все развивалось очень быстро, и вот мы уже живем вместе и ведем «совместное хозяйство». Хотя здесь я слухавил –

хозяйство вела Наташа, я лишь присутствовал. На какой такой «своей волне» я находился, сказать трудно, но что было абсолютно точно, так это то, что я был равнодушен ко всему – и к ней, и к происходящему дома. Она часто говорила, что любит меня, ластилась ко мне, как кошка, пыталась вытащить из меня глубоко запрятанную нежность, ведь она верила, что эта нежность у меня была... Но увы... Я лишь невнятно поддакивал, мол, да-да, я тоже тебя люблю. Врать не хотелось, обижать ее – тоже. Она ведь ни в чем не виновата. Как она выносила мое равнодушие все эти годы? Должно быть, сильно любила. Вы, вероятно, возмутитесь: «И что тебе, дураку, не хватало?» Сердцу не прикажешь, что поделать... Внутри меня всегда присутствовало какое-то несоответствие действительного и желаемого, ощущение того, что Наташа «не дотягивает» до моего идеала. Но кто мой идеал, я тогда не знал. Точнее сказать, я чувствовал, но не мог сам для себя сформулировать. Зато сейчас знаю.

В тот день, когда Наташа ушла, был ее день рождения. Вернувшись с работы изрядно уставшим, я все же заметил, что она как-то похорошела. Красивое платье и прическа, запах духов и ее сияющее лицо. Я, буркнув, что пойду спать, закрылся в комнате, совершенно забыв про ее праздник! Конечно, только из-за этого она бы не ушла. Видимо такой инцидент стал последней каплей ее терпения. Она даже ничего мне не сказала. А утром я не обнаружил всех ее вещей. Я долго думал. О ней, нашей совместной жизни, о чувствах

и надеждах, которые каждый из нас возлагал на отношения. У меня их не было, а вот у Наташи – много... В итоге пришел к тому, что сам не знаю, чего хочу. Память вернула меня в студенчество. И тут перед глазами Она! Спускается по лестнице, здоровается с подружками и, увидев меня, стесняясь, улыбается. «Это же Олеся! Как я мог забыть про нее?!» – осенило меня вдруг.

Ее светлые волосы отливали золотым блеском. Она всегда закалывала их так, что длинные локоны рассыпались по спине. Олеся любила романтические платья и мягкие кофты, от чего сама она казалась воздушной и нежной. На плече большая серая сумка, ремни которой были настолько длинными, что сумка вместе с содержимым болталась близко к полу. Наверно, Олеся хорошо училась, раз каждый день таскала с собой столько книг, что все они не влезали в сумку, и часть из них высывалась наполовину. Было забавно наблюдать за тем, как Олеся упорно тащит этот груз. А ведь я мог ей помочь... Эх, зеленый был... Весь ее образ выражал милую кроткость и, вместе с тем, приветливость. Да и что говорить, она была очень красивая.

«Вот! Вот то, чего я хочу!» – повторял я весь день. Радость буквально разрывала меня. Двойная радость оттого, что на меня снизошло озарение в отношении моего идеала и оттого, что вспомнил про прекрасную Олесяю.

Тогда я учился на втором курсе института. Она была со мной в одном потоке, но в другой группе. Однако ино-

гда нам ставили совместные лекции. Я был очень скромным тогда, тем более у меня к ней были чувства. А эти наши «глядделки» на парах добавляли интриги. Мы явно нравились друг другу. Прошел учебный год, а мы так и не познакомились. Я с нетерпением ждал сентября, чтобы вновь ее увидеть и, наконец, поговорить. Но прошла неделя-другая, а Олеси все не было. Я забеспокоился и все же набрался смелости спросить про нее у одногруппников. Они сказали, что она отчислилась.

– Какие-то у нее семейные обстоятельства. В другой институт перевелась, – так мне ответили.

Кстати, именно тогда я узнал ее имя.

Я был очень зол на себя. Что не осмелился подойти, что был дураком и не догадался – она ведь наверняка ждала инициативы от меня. Но я опять не стал ничего делать. И со временем все забылось.

И когда я вспомнил про нее, то подумал: «Вот теперь я знаю, кто мне нужен. Конечно, я понимаю, что прошло много лет, и она, наверно, уже давно замужем и растит троих детей. Пусть так. Но ее образ по-прежнему стоит у меня перед глазами. Может, мне повезет и я встречу ту, которая очень похожа на нее?»

В том, чтобы возвращать Наташу, я не видел никакого смысла. Зачем? Кому это нужно? Себя я больше обманывать не стану. Да и Наташа со мной только зря теряла время. Мне жаль ее. Своим равнодушием я наверняка опустошил

ее, рассеял ее веру в себя и в силу любви. Да и что греха таить – я самым жестоким образом вычеркнул 6 лет из ее жизни. Я мог бы тогда попросить у нее прощения и вымолить второй шанс, но даже в этом случае в глубине души я бы надеялся, что она откажет. Поэтому я решил больше не думать об этом.

3

Путешествие, которое и стало поворотным в моей жизни, началось очень неожиданно. Утром я, как обычно, пришел в редакцию, немного опоздав. Но, надо сказать, что мое настроение было приподнятым, что наблюдалось нечасто в последнее время. Лисицын, наш главный редактор, вызвал меня к себе. «Неужели будет отчитывать за опоздание?» – подумал я. Но нет, все оказалось гораздо хуже, по крайней мере, так мне тогда виделось.

– Здорово, Игорь! – по-свойски сказал он.

– Здравия желаю, Сергей Викторович! – я решил поддерживать веселую ноту.

– Игорек, тут такое дело... Орлов больничный взял, недели на две...

– Так, и что? – я недоумевал, какое отношение ко мне имеет сей факт. Орлов у нас интервьюер, а я писал статьи по городским новостям.

– Как бы это... В общем тебе надо за него... В командировку.

Тут увидев мои округлившиеся глаза, выражающие не столько удивление, сколько возмущение, Лисицын продолжил:

– Ну, понимаешь, надо...

– Это же не моя специфика! – перебил его я, сказав то,

что он, в общем-то, и сам прекрасно знал.

– Слушай. В Сибири живет один дед...

– В Сибири??? Вы издеваетесь?! – тут я рассердился не на шутку.

– ... точнее старик, – продолжал Лисицын невозмутимо, вспомнив, что он начальник и подчиненные ему перечить не должны, – ему на днях исполняется 99 лет! Надо бы у него интервью взять в день рождения, спросить, как жил, что ел и так далее. Людям же это интересно.

– 99... Не проще ли годик подождать, когда ему стукнет 100 и в юбилей взять интервью? Надеюсь, к тому времени Орлов поправится, – съехидничал я.

– Новожилов! Ты хоть понимаешь, что такое 99 лет? Он может умереть в любой момент, а ты про год какой-то говоришь!

– Ничего, и постарше старики имеются! Я слышал вон 126 одной бабушке, она, может поближе живет.

– Так, не поясничай! – рассердился начальник. – Сказано – сделай! Много ты понимаешь!

– Где вы вообще его взяли? – я не сдавался.

– Молва донесла... – сказал шеф на выдохе. – Человек, говорят, уж больно хороший. Тут не столько в годах дело, понимаешь... Мудрец он какой-то... Мне даже самому интересно стало. Съезди, разведай... Фотографа нашего нового возьми с собой в помощники, этого... как его... Максиму. Послезавтра вылет. Самолет до Емельяново, это недале-

ко от Красноярска, а там на попутках до деревни. Карты нет, уж извиняй, там спросите. На все про все даю вам 3 дня, туда-обратно.

Вышел я от шефа и не мог прийти в себя. Эта вынужденная поездка не входила в мои планы. Хотя планов-то у меня никаких и не было. Какие планы могут быть у холостяка-пофигиста? Работником я был неплохим и даже числился на хорошем счету у начальства. Но это лишь оттого, что работа моя мне нравилась, да и сейчас нравится. Статьи пишутся легко и быстро. Но развиваться в этом направлении я не думал. А зачем? И так сойдет. Развиваться – значит, усилия прикладывать, а напрягаться мне не хотелось.

В тот рабочий день я не сделал ничего существенного. Все представлял, как через тайгу буду к деду пробираться, чтобы три вопроса задать. И снова злость и негодование переполняли меня. Эта затея с Сибирью казалась мне настоящим абсурдом. Ведь я работал в местной газете, а не в географическом журнале. Но делать нечего, смирился, поскольку, все же, немного побаивался увольнения за споры с начальством и отказ от задания.

Морально настраиваясь на поездку, вечером я решил позвонить Орлову, чтобы узнать все тонкости интервью и обговорить вопросы, которые следует задать старику. Предварительно мне пришлось ввести его в курс дела, так как про новое поручение редактора он ничего не знал. Орлов дал мне довольно развернутый ответ, предупредив, что наш новый

фотограф мне будет бесполезен. Я не придавал этой информации особого значения. Главное, что я узнал самое главное для себя, поэтому спать лег в хорошем расположении духа.

4

В самолете я выстраивал структуру интервью. Максимка же ковырялся в своем фотоаппарате, пытаюсь его настроить. Сначала я не обращал на него никакого внимания, но его раздраженное бормотание заставило меня повернуться. Я предложил ему свою помощь, на что он поднял на меня свои изумленные глаза, в которых читалось: «Кто? Вы? Мне помочь? Вообще-то здесь я фотограф и я лучше знаю!» Ну нет, так нет, настаивать я не стал. Похоже, Максим все еще находился под действием юношеского максимализма, на тот момент ему было лет 20, не больше. Усмехнувшись, но так, чтобы он этого не заметил, я отвернулся, решив оставить его в покое, наедине со своими амбициями.

Максим – типичный акселерат, жаль, что подобное явление коснулось только его физического состояния, он очень высокий и очень худой. Судя по обилию растрепанных волос на голове, ему давно следовало подстричься. Пальцы рук длинные и тонкие, а взгляд совершенно пустой, словно человек спит с открытыми глазами.

Я чертыхался накануне, недовольный предстоящей поездкой и, на мой взгляд, ее бессмысленностью. Тогда я предполагал, что дорога ограничится самолетом и машиной от аэропорта до конечной точки пребывания. Но знать бы мне, как все будет на самом деле... Не поехал бы ни за что! Даже под

угрозой увольнения. Это и правда чистое издевательство! Мы долетели до Емельяново, а дальше... И кто его знает как дальше? А нам нужно было ехать еще 80 км до самой деревни. Таксисты отказывались ехать, ссылаясь на то, что «там дебри и никто не живет». Еще мы узнали, что в это село попасть можно только на вертолете, который навещает местных жителей один раз в месяц, привозя продукты. Непроходимые леса и грязь не дают возможности пробраться машинам и уж тем более благополучно вернуться назад.

После всего услышанного я невольно подумал о том, не сделал ли я шефу чего плохого, ведь такая командировка очень походит на чистую месть. Меня отвлек Максим:

– Что будем делать? – он смотрел на меня и хлопал глазами.

– Машину искать, – ответил я, хотя сам уже не верил в успешное завершение дела.

К нам подошла цыганка. Она была внешне неприглядной. Копна ее пышных волос была собрана под ярко-красным платком и была похожа на большой шар. Лицо смуглое и дряблое, не смотря на то, что лет ей было не больше сорока. Полное тело скрывало множество юбок и кофт, одетых одна на другую, но все они были грязными, словно каждая из них служила ей не только одеждой, но и фартуком, о который можно смело вытирать руки. Когда она приблизилась к нам, мне хотелось немного отстраниться. Хотя бы потому, что начав разговаривать с нами, она оголила свои золотые

зубы. Однако, не смущаясь своего вида, она оказалась довольно бойкой:

– Давай довезем, «дарагой»! Недорого! – сказала она со свойственным цыганам акцентом.

– А ты там что забыла? – ехидно спросил Максимка.

Я тоже с интересом посмотрел на нее, ожидая ответа. Надо же, мой попутчик спросил что-то относительно умное.

– За клюквой едем, родной, собираем, места хорошие, – протараторила она и показала на мужчину, ожидающего ее в старой «шестерке».

Максимка вопросительно посмотрел на меня. Я сам не знал, как быть. Ну, думаю, можно рискнуть. Даже если решат обокрасть, брать у нас нечего. Разве что фотоаппарат. И представив расстроенное лицо юного фотографа, мне стало смешно. Зря только в самолете его настраивал. Ха-ха-ха!

Мы с Максимом неуверенно направились к предложенному нам транспортному средству. И пока мы шли, к машине подбежало трое цыганят, звонко кричащих на своем языке. Все они были разного возраста: девочка лет десяти и двое мальчиков примерно около семи и четырех лет. Дети были такими же грязными и ободранными, как их мать. Однако у старшего ее сына в кулаке был зажат неплохой мобильный телефон, ставший, видимо, очередным «уловом» для неизбалованных подобными игрушками детей.

Я и мой напарник пришли в ужас, понимая, что вся эта ватага тоже поедет с нами! Цыганка же и вида не подала,

что осознает наше с Максимом негодование. Словно подобная ситуация считается нормальной, когда в пятиместном автомобиле едут семь человек. Впрочем, я уверен, что для их семейки это абсолютно нормально, и это еще не предел. Но, как оказалось, это были еще не все пассажиры! Восьмой, младенец, плотно замотанный в толстое одеяло, ожидал мамашу на переднем сиденье и мирно спал.

Я уже представлял себе весь тот комфорт и отличное настроение, с которым нам предстояло ехать, отчего меня стало слегка подташнивать. Но выхода не было. Мы с фотографом уселись на задние сиденья, обтянутые протертым бархатом. Мне повезло – я сел у окна. Нам на колени посадили мальчиков, а девочке мать велела сесть отдельно у другого окна.

Машина цыганской четы не внушала надежды на то, что мы без проблем доедем до места. Я даже засомневался, заведется ли она. Старые ржавые Жигули выглядели жалко. Но нет, цыган резво повернул ключ, и машина послушно, но со скрежетом и натугой двинулась вперед.

То ли оттого, что машина все-таки нашлась, то ли оттого, что я сам себя позабавил участием фотоаппарата напарника, но настроение у меня улучшилось. Я ожидал, что цыганка мне непременно предложит погадать, а если я откажусь, она все равно это сделает. Я томился минут десять. Но ничего не происходило. Максимка вел с кем-то телефонную переписку. А цыганка державшая на коленях грудного ребенка, лишь однажды перекинулась парой фраз со своим мужем на их родном языке, и я ничего не понял. Старшие мальчики ерзали на наших с Максимом коленях и даже пытались подраться, разыгравшись, но цыганка-мать крикнула им что-то грубое и резкое, и они притихли. Я разочаровался и немного погрустнел. Ведь вначале мне даже показалось, что началось интересное приключение. Не выдержав тишины, я спросил ее первый:

– А погадай мне! Ты ведь, умеешь?!

Цыганка обернулась и равнодушно посмотрела на меня:

– Умею, и что с того?

– Ну как же? Ты же, наверно, прямо по лицу мое будущее видишь? – я что-то совсем раззадорился.

– Нет у тебя будущего...

Я опешил. Неужели умру сегодня? И посмотрел на нее испуганно и вопросительно. Она поняла и продолжила:

– Я говорю, нет у тебя будущего и не будет, если у каждого спрашивать станешь. Что другим до твоего будущего? Ты себя спрашивай.

– Так ты же другим, наверно, гадаешь?

– Гадаю. Если человека направить надо. Бывает еще прописанное свыше, судьбою велено. Тогда тоже сказать можно, коль не изменишь уже. А у тебя что? Ни пути, ни судьбы... Судьбу строит характер человеческий.

– И что это значит? Что я бесхарактерный?

– Догадливый ты, – с издевкой сказала цыганка. – Ты ни черное ни белое, ни рыба ни мясо, сам не знаешь кто. Вот тебе и гаданье, – цыганка засмеялась, и смех ее мне показался злым и неприятным на слух, как в фильмах ужасов.

– Это как же? – не понял я. Она меня оскорбила или посочувствовала?

– Путь у тебя тот, который выберешь, вся воля твоя. Но воли-то как раз нет у тебя. Борись.

– Да с кем бороться? – я разозлился.

– С собой борись, с безвольностью... Все, баста! – по ее интонации я понял, что она закончила и говорить больше не желает.

А тем временем мы проехали уже около половины пути.

Я от скуки и даже какого-то отчуждения из-за разговора с цыганкой не знал, как себя развлечь. Мне стало неприятно оттого, что этот разговор случился при свидетелях, одним из них являлся мой коллега по работе. Беседовать со своим

товарищем я не хотел, да и он, вероятно, предпочел бы телефон общению со мной. И тут я поймал себя на мысли, что Максим по всей своей сути еще ребенок, подросток, но даже ему неинтересно разговаривать со мной, тем более после того, как эта предсказательница «раскрыла про меня все карты», хоть он и не знает, являлись ли ее слова правдой. Я ведь взрослый мужчина, намного его старше... Под этим я подразумевал, что если старше, значит, опытней, умней и рассудительней, что я «пожил» и многое повидал. Но вся правда в том, что то, что я подразумевал в общем, ко мне лично не имело никакого отношения. Ну, старше я, и что? Какой у меня опыт? Чем я могу поделиться с молодым парнем? Впустую умничать не хотелось. Я с самого начала чувствовал перед ним свой авторитет, и это добавляло мне уверенности в себе, но теперь... Теперь я опустился до его уровня, стал ему ровней, а в моем возрасте это стыдно. В двадцать лет многие поступки человеку прощаются и списываются на молодость, а в моем возрасте требования к человеку не на один порядок выше. И, попробуй, вытвори что-нибудь эдакое – засрамят и засмеют, потому что нехорошо, неприлично и не положено. Чем старше становишься, тем более тесную одежду заставляет носить общество, таковы законы социума.

Никогда раньше я не задумывался об этом, не занимался самокопанием и самоедством. Хотя раньше я и наедине с самим собой не оставался. Днем на работе с коллегами, дома

с телевизором или друзьями. Поэтому эта тишина в машине мне определенно не нравилась. Не хватало мне еще путаницы в мыслях! Но «пророчество» цыганки снова прозвучало в моей голове, и, все же, я посчитал ее слова оскорблением и решил, что все это ко мне не относится. Я резко и сознательно прервал думы и устремил свой взгляд в окно.

6

Мы уже давно свернули на узкую лесную дорогу. Судя по едва заметным следам от колес предыдущей машины, ездят здесь крайне редко. Густой лес казался бесконечным. Но красивым. Золотые березы сменялись елками и соснами. Были среди них и другие деревья. Машина цыган ехала медленно, то и дело буксуя на размытых дождем колеях. Тут мой взгляд среагировал на непонятное движение в окне. Я присмотрелся и увидел белку, сидящую на крепком кедре. Уцепившись задними лапами за кору, передними она держала шишку, полную внутри маленькими кедровыми орешками, которые она умело вытаскивала и ела. Чувство восторга меня переполняло! Ну, надо же! Белка! Настоящая живая белка! Я видел белку! Не контролируя себя, я поделился радостью со всеми сидящими в машине. Цыгане даже не повернулись, не взглянули ни на меня, ни на животное. Максимка же поднял глаза и исподлобья посмотрел на меня удивленно. Его взгляда я не понял.

– Белку что ли никогда не видели? У нас в зоопарке их полно, сходили бы, посмотрели... Тоже мне... Хм... – Максим сказал это пренебрежительно, словно я его младший брат или вчера родился.

А я не вчера родился, а, как оказалось, только что. Ведь действительно, я впервые в жизни увидел белку.

Меня опять понесло в глубины мыслей. На этот раз стало как-то стыдно, что я за столько лет своей жизни не видел обычных, казалось бы, вещей. А что я видел, собственно? Эта тема предвещала очень серьезные размышления, поэтому я испытал облегчение, когда машина резко остановилась.

– Приехали, «дэнги» давай! – сказала цыганка.

Я огляделся. Мы стояли в лесу.

– Как приехали? Куда? – удивился я. – Где село?

– Туда идите, – цыганка показала пальцем в самую глушь леса.

– Я ничего не вижу.

– Дальше не едет машина, болото, – спокойно сказала цыганка, пересчитывая деньги, которые достала из кармана своей бесформенной юбки. Наверно, это был их сегодняшний заработок.

– И как мы дальше? А вы, кстати? Куда сами пойдете? – Мне стало действительно интересно, куда пойдет эта семья.

– Мы пешком, нам рядом, наш табор у костра там дальше... – кивнула она головой уже в другую сторону.

– И нам что ли пешком? И долго? – недовольно и капризно спросил Максим.

– Километра два прямо, – неожиданно заговорил цыган.

Я расплатился и подумал, как же мы будем возвращаться обратно, в Москву.

– Эй, подруга! – я решил договориться с цыганкой и по по-

воду дороги назад.

Но их уже не было. Машину оставили, а сами удрали. Когда только успели...

Делать было нечего. Я мысленно попрощался со своими недавно купленными кроссовками и пошел. Юный фотограф, молча, двинулся за мной. Он вообще был равнодушен к происходящему. Наверно, думал, что дядя Игорь все знает и приведет его куда надо.

Мы шли минут двадцать, а лес все не кончался. Дело шло к вечеру, и небо стало темнее. Да и высокие деревья плохо пропускали свет. Я забеспокоился. Хорошо, что Максим этого не заметил и ни о чем меня не спрашивал. И мы продолжали идти вперед.

Вскоре мне слышались едва уловимые подозрительные звуки. Подозрительные, потому что я догадывался, что это. Я остановился и прислушался. Ну конечно! Это вода. Шум воды. Пройдя еще шагов пять, мне открылась великолепная панорама – у нас на пути текла широкая река. Судя по карте, это Енисей. Что уж говорить, никакого села не было и в помине. Цыганка обманула. Я сел на пригорке, схватился за голову и вздохнул.

– Что, приплыли? – посмеялся Максимка.

Отвечать я не собирался. Единственное, что хотелось сказать, так это: «Какого черта я поехал?»

Воды Енисея текли шумно, но спокойно и мягко. Волны его ловили остатки лучей заходящего солнца, превращаясь в множество переливающихся бликов. Наблюдать за этим движением можно было бесконечно. Словно за гипнотизированный, я сидел и просто смотрел на эти воды, на плавность и могучесть волн, на ход течения реки. С того пригорка, где мы сидели, не было видно, откуда держит путь Енисей и куда направляется. В просвете между деревьями нам был виден лишь короткий участок большого потока.

Я опомнился лишь когда перестал видеть на воде солнечные лучи, без них река выглядела сурово. Полутьма делала ее мрачной, окрашивая в темно-серые тона. И, казалось, что волны стали выше и чаще от усиливающегося ветра.

Вариантов дальнейших действий у меня не было никаких. Я уже начал представлять, как мы с Максимкой прочно обосновались в этой тайге, построили хижину и каждое утро выходим на охоту. Представил, как мы ежеминутно вглядываемся в небо, надеясь увидеть вертолет со спасателями... Полет моей фантазии прервал напарник:

– Смотри! – крикнул он и указал на противоположный берег.

– Что? – у меня не сразу получилось вернуться в реальность.

– Вон там мужик какой-то в лодке! Сюда плывет!

И действительно, на том берегу усаживался в лодку крупный мужчина в плаще до земли.

Пока он переплывал на наш берег, я успел подумать о том, что в этот день ангел-хранитель явно заботится обо мне. Если, конечно, таковой существует.

Мы с Максимом переглянулись, негласно решив спуститься со склона и пойти навстречу мужику, дабы не терять время.

– Что, заплутали, братцы? – крикнул он, еще не успев доплыть до берега.

– Ага, – с облегчением ответил я, – нам в деревню N нужно!

– Ну вот, а я только оттуда. Ну да ладно, вернемся. Надо же вас справиться.

И он вылез на берег. Это был крупный и широкоплечий мужчина лет сорока пяти. Все в нем было необычно, от черт лица и до одежды. Разрез глаз был круглым, а сами радужки имели почти прозрачный голубой оттенок. Рыжие брови находились на большом расстоянии друг от друга и кончались на его висках. Все это выглядело забавно, и когда он смотрел на нас, то казалось, что он чем-то удивлен и, вместе с тем, открыт душою. Лицо его было таким добрым, что он походил на волшебного тролля – героя детской сказки. Рот и губы его терялись в такой же рыжей густой бороде. Когда он говорил, то шевелились только его усы, от чего он выглядел

еще смешнее. Плащ этого мужчины был плотным, черного цвета. В похожем одеянии ходили рэкетеры в 90-ых годах. Наверное, как раз кто-то из них и подарил нашему добряку такой наряд с барского плеча. На ногах его были высокие резиновые сапоги.

– А вы кто? – влез Максим, не дав мне первому наладить контакт с человеком.

– Я-то? Я егерь местный. Знаешь ли слово такое, сынок? Максим понял намек егеря и замолчал.

– Василий Петрович! – произнес егерь и протянул мне руку.

– Игорь, – ответил я, – а это мой напарник Максим.

– Ну, поехали! – скомандовал Василий Петрович.

Он решил помочь нам так просто, что мне показалось, будто это его основная работа – перевозить людей через реку.

Усевшись в лодку, мы отчалили. Я рассказал егерю про цыганку и про то, как она нас обманула. На что он засмеялся и спросил:

– Это Лэйла что ли? Ха-ха! Ее как-то по-другому зовут, по-ихнему, а у нас ее Лэйлой кличут. Не первые вы. Давно она этим промышляет, извозом в смысле. Одного вообще давеча привезла к медвежьей берлоге. Знала ведь, ведьма! Так что вам повезло еще.

– Так ведь ехать никто сюда не хотел. Говорили, что только на вертолете можно...

Тут егерь расхохотался еще больше.

– Ну, вы, ребята, даете! Ей-богу! Как дети всему верите. Ха-ха-ха! Машины свои никто в грязи пачкать не хочет – вот и все дела! Вертолет... Ха-ха-ха! Тут автобусы ходят, ежели чего. А вы, кстати, по какой нужде в наши края-то приехали?

– Живет у вас тут старик один, долгожитель. Как его... сейчас, – я стал судорожно искать в кармане бумажку с его именем. А про себя думаю: «Еду к человеку за интервью и даже имя его не удосужился запомнить. Стыдоба!» – Ведунов Григорий Матвеевич.

– Алмаз что ли? – егерь оживился.

– Не знаю... А почему Алмаз?

– У нас его все так за глаза кличут. Золото – мужик! Мировой! И зачем вы к нему? Родня что ли?

Тут я рассказал егерю про все: про то, что это не моя работа, про то, что не хотел ехать, про эту «тьму тараканью». Хотел еще сказать про бесполезного Максима, но, разумеется, не стал. Василий Петрович спокойно выслушал, поднял голову и многозначительно посмотрел на меня:

– Я вот что скажу тебе, брат. Клянись, не зря ты приехал. Вот увидишь. Ежели сейчас не понимаешь, потом поймешь. С таким человеком как Алмаз поговорить – многого стоит. Все не зря.

– Может и так, но эта поездка совсем не входила в мои планы.

– Планы? А есть ли смысл в планах-то? Жизнь – она дру-

гая, она сама себе хозяйка, и тебе хозяйка. Что толку планировать, брат, если все по-другому выйдет? Жизнь – она шире, понимаешь? План – он, наверное, должен быть, но лишь маяком, по которому ориентир держишь. Но нельзя, чтобы твой план тебя же в тисках держал. Жизнь не зря наши планы рушит, а чтобы показать, что есть лучшее для нас, чем мы себе придумали. Жизни доверять надо, братцы, – Василий Петрович закончил и посмотрел на воду, продолжая грести веслами.

Василий Петрович оказал нам неоценимую услугу еще и тем, что проводил до самого дома старика. Мы попрощались, и егерь пошел к лодке.

К тому времени как мы причалили, было уже совсем темно. Небо с красивыми закатными разводами закрыл густой слой синих облаков, за одним из которых показалась полная луна. Она достаточно хорошо освещала все вокруг. Дом Алмаза был виден еще издали. Деревянная изба старика-долгожителя выглядела такой же старой, но крепкой. Было заметно, что давно не прикасалась к ним рука человека. Бревна в стенах уже не представляли собой ровные аккуратные линии, а сползли в правый нижний угол, от чего казалось, что дом засасывает в яму. Крыша тоже доживала свой век. На отдельных ее участках виднелись дыры, такие глубокие, что поначалу я принял их за гнезда птиц. Крыльцо являлось самой красивой частью избы, оно было высоким и ровным. Застекленные окна в нем имели необычную форму ромбов и треугольников, соединенные тонкими рейками, похожими на настоящие стекольные рамы. Никогда раньше я не встречал подобного оформления окон даже у самых маститых творцов на деревне. По всему периметру окон крыльца виднелись коротенькие занавесочки, больше похожие на бабушкины кружева. Видимо в рамах имелись щели, поскольку от задуваемого внутрь ветра занавески эти слегка колыхались. Первая дверь с улицы была крепкой, но тоже со вставками стеклянных элементов. Окна дома были совершенно

обычными, никаких резных ставней и фигурных рам. Но занавески тоже висели.

В одном из окон виделся тусклый свет, старик еще не спал. Я долго не решался войти. Хотелось просто посидеть на улице и хоть немного перевести дух. Тишина... И ни одной живой души... Эта обстановка показалась мне знакомой, хотя я уже не помню, когда в последний раз сидел в тишине.

– Ну что, идем? – нарушил молчание Максим.

– Да. Идем, – я взбодрился и направился к дверям.

Непонятно откуда раздался негромкий лай собаки. Вероятно, она была заперта на дворе или в коридоре. Вначале, немного испугавшись ее нападения, я все же решил продолжить путь к дому.

Дверь была не заперта. Войдя, мы обнаружили сухопарого маленького дедушку в плотной льняной кофте, сидящего за низким столом и медленно жующим картошку «в мундире». Он не спеша доставал ее из чугунка и старательно очищал дрожащими руками.

Небольшая комната озарялась тусклым светом от лампы. Обстановку в ней было не разглядеть, но я заметил, что мебели в ней было мало. И запах! Не очень приятный сам по себе, но такой знакомый! Отчего его оттенок уже не казался пресным. Что-то родное я обнаружил в нем. Вся эта тихая комнатка была пропитана этим запахом.

Странно, но увидев двух явившихся к нему ночью незна-

комых людей, лицо старика не выражало ни испуга, ни удивления. Он лишь поднял голову и равнодушно посмотрел на нас, словно знал заранее, что к нему придут гости. Мы поздоровались. Я волнительно начал объяснить, кто мы такие и зачем к нему приехали. Его спокойствие оставалось неизменным:

– Да вы устали, поди, с дороги? Ложитесь-ка спать. Завтра, все завтра...

И он, с трудом поднявшись с лавки, медленно зашаркал калошами, в которые были обуты его ноги. Я удивился, что дед в таком возрасте сам ходит. Но он семенил ногами так долго, пока шел до кровати, что казалось, будто он вовсе не идет, а топчется на месте. Он начал готовить нам постель. И только сейчас я осознал, что совершенно не подумал о ночлеге заранее. Ведь знал, что ехать далеко. Да и за один день мы бы не управились. Лисицын, мой начальник, тоже знал, но ни словом не обмолвился об этом. Решай, мол, сам свои проблемы. Так он, наверно, и думал. А мне с этой предвездной суматохой было совсем не до таких «мелочей». И стало даже как-то страшно: а что, если бы нам не помог егерь? И что, если бы старик не оказался таким радушным? Где бы мы сейчас были? А потом я вспомнил: «Ангел-хранитель же...» и усмехнулся.

Старик, он же Алмаз, судя по всему, больше не желал с нами говорить и почти насильно уложил спать. Сначала я решил, что нас с напарником положат вместе, поскольку вто-

рой кровати в комнате я не заметил. И, похоже было, что комната в доме всего одна. От предстоящей ночи бок о бок с суетливым парнем я немного расстроился. Но все вышло не так. Мне было велено лечь на большой койке у стены. Максиму старик предложил лечь на другую кровать, которую было совершенно не видно, поскольку она стояла за печью. Сам же Григорий Матвеевич собирался спать на печи. Но Максим вдруг сказал:

– А давайте я на печке посплю, а то что вы туда полезете? Высоко ведь, расшибетесь.

– А и правда, чего это я? – удивился старик сам себе. – Лет пятнадцать уж не лазил туды, а нынче надумал, вот старый круговой! Кхи-кхи! За мной тяперича как за малым пригляд нужен, такие мы... Бывает, знаете ли, мысль какая-нить каверзна влезет в голову, а потом и идешь на поводу у ней. Это дело плохое.

Алмаз остался доволен таким исходом и незаметно для нас уже лег и накрылся тонким одеялом. Спустя еще пару минут в комнате раздался тихий свист. Мы с напарником переглянулись и негласно договорились ложиться спать. Максим ловко, минуя старика, влез на печь, конечно, прихватив свой телефон. Еще часа два он находился в своей виртуальной реальности.

Открыв глаза, я не сразу понял, где нахожусь. Залитая солнцем комната, низкие окна с кружевными занавесками и какой-то треск. Я привстал. Увидел стол со стулом и лавку у стены, покрытую, связанным вручную, половиком. Такие же коврики вязала огромным деревянным крючком моя бабушка из длинных тканевых полосок, а точнее – из старых изрезанных тряпок. Откуда-то прибежала черная кошка и запрыгнула ко мне на колени. Я слегка отстранился, и кошка, почувствовав мое недовольство, переместилась на сундук в углу. Он был очень старый. Если приглядеться, то можно было заметить на его поверхности незамысловатые узоры и самобытную роспись. Но время стерло почти все изображения. Сундук имел и замок – старый, из тонкого и заржавевшего железа. Но он не был закрыт, а висел без надобности. На стенах висели небольшие веники и снопы из засушенных разнообразных трав, названий которых я не знал. Тем утром, когда в доме стало совсем светло, я мог уже как следует рассмотреть все это. Также и фотографии в большой раме на стене стали мне отчетливо видны и понятны. Так делала и моя бабушка – в большую застекленную раму она вставляла множество маленьких фотографий. Помню, мне это никогда не нравилось, поскольку глаза разбегались, прыгая с одной карточки на другую, и ничего нельзя было по-

смотреть по-хорошему. Алмаз – человек того же поколения. Я стал вглядываться в каждую фотографию. Все они были коричневыми или серыми и очень мутными. Вот он еще молодой в старой потрепанной куртке и меховой шапке... А вот вся его семья в сборе, дети, внуки... А это фотография, похоже, сделана не так давно. Качество ее совсем иное, гораздо лучше. Фотография цветная и яркая. Я подумал, что его снимали внуки со своей «мыльницы». На ней он уже преклонного возраста и сидящий в обнимку рядом с милой бабушкой, вероятно, своей женой.

В комнате никого не было. Я решил, что пора бы уже и вставать, оделся и направился к двери. И тут вошел Григорий Матвеевич. В руках он держал несколько поленьев. Теперь-то я понял, что трещит – это старик топил печь. Я быстро встал и кинулся помочь ему. Выхватил дрова и уложил на полу возле печи.

– Что же вы сами такие тяжести таскаете? Неужели у вас столько силы? – удивился я.

– Да таскать силы-то хоть сколь есть пока, а вот дрова колоть уж не смогаю. Еще ведь в прошлое лето мог, а нынче нет... Нет силы теперь... – рассуждал старик, присаживаясь на лавку.

– Прошлым летом? – удивился я.

Старик ничего не ответил, а только, погрузнев, махнул рукой.

«Ну и чудные же эти долгожители!» – подумал я.

– Ладно, что с меня взять... старый уж... А вот вы, городские, спать-то любите... Век бы и спали, кабы вам волю дали, – улыбаясь, сказал Алмаз. – Мне вот спать тошно. Кабы я опять молодой сделался, как вы, я бы... ух! Я бы все! Да так и было, не сиделось мне на месте, всегда что-то делал, сколько жизни было во мне! – старик сел за стол и склонил голову, подпирая ее рукой.

– А откуда вы знаете, что мы из города?

– Так товарищ твой все уж рассказал мне.

– То есть вы знаете, кто мы и зачем приехали?

– Нет, этого не знаю... А вот про «дома до неба», это да... Максюша все утро мне про них... уж так старался, так старался, объяснял, кхи-кхи... – старик засмеялся так тихо, как бы сам с собой, – словно не жил я в городе-то, кхи-кхи...

Этот его смех казался мне таким причудливым! Никогда раньше я не слышал, чтобы так кто-нибудь смеялся. Старик так растягивал последний звук «И», что это становилось похоже на комариный писк. И старику нравилось так протяжно смеяться, было видно, что он делает это нарочно и сам получает удовольствие от своей причуды. Одновременно с этим он сильно прищуривал глаза, и выражение лица его становилось как будто хитрым. Все это выглядело так, словно он смеется, а сам наблюдает, как на это реагируют другие, смотрят ли на него, любят ли им. Мне нравилось, когда он смеялся, я даже ждал этого. И когда Григорий Матвеевич вновь начинал издавать свои протяжные звуки, я ста-

рался как можно быстрее уловить их, чтобы как следует почувствовать, так это было забавно и мило.

– А где он, кстати, мой дружок? – спросил я про Максима.

– А вон де, курей фотографирует.

«Ну, да... – подумал я, – что от него еще можно ожидать?»

А ведь меня предупреждали».

Григорий Матвеевич переключил свое внимание с меня и начал закидывать дрова в печь. Я сладостно потянулся, оделся и вышел на улицу.

Сойдя с крыльца, я замер. Замер в восхищении! Передо мной было бескрайнее поле. Такое, как раньше были нивы. Оно тянулось до самого горизонта. Эти просторы напомнили мне щедрую русскую женщину, распахнувшую свои объятия и готовую принять и согреть каждого нуждающегося. Она словно говорит: «Отдохни, приляг на мое плечо и забудься».

Солнце придавало полю бронзовый оттенок. Весь урожай давно собрали, и по остаткам пожелтевшей травы нельзя было определить, чем это поле было засеяно. Но ветер, все же, гонял по нему листья и стебельки, похожие на колосья. В небе над полем летали неизвестные мне птицы. Я пожалел тогда, что не прихватил с собой бинокль, чтобы лучше разглядеть их. Воздух был такой свежий и чистый, что даже голова кружилась. И эта осенняя мягкая прохлада... Один только вдох давал мощный заряд энергии, наделяющей тело и дух невероятной силой. В этом прекрасном пейзаже не было ничего лишнего. Ничего не тяготило и не отвлекало. И от этого делалось еще приятнее. Удивительно, как пустота может наполнять... С тех пор я полюбил осень. Она потрясающе красива в конце сентября! Я блаженно набрал полную грудь воздуха и мгновенно почувствовал себя счастливым. Мне даже хотелось кричать, нет, визжать от восторга и воодушевления!

Немного успокоившись, я осмотрелся более внимательно. А почему здесь поле, если мы в тайге? Где же непроходимые леса? Где тайга? Его не было в поле зрения. Оказалось, что и в непролазных дебрях находятся такие вот островки свободы.

Метрах в пятидесяти от дома одиноко стоял миниатюрный клен с ярко-красными листьями, часть из которых уже опала и легла красивым ковром у подножия дерева. Дом старика не был огорожен хоть каким-нибудь забором. Изба Алмаза находилась буквально на отшибе, ближайšie дома едва виднелись за холмами. Но узкая дорожка к его дому была хорошо протоптана.

Старик вышел и позвал нас завтракать. Непонятно откуда вылез Максимка и ринулся в дом. Я тоже прошел. На столе стоял большой чугунок с гречневой кашей. Рядом лежало несколько помидор и полбуханки ржаного хлеба. Я настолько проголодался, что был рад и этому. Насытившись, я продолжил разглядывать комнату. На стене в круглой деревянной рамке висела старая потертая фотография молодой девушки со светлыми кудрявыми волосами. В углу, как и положено, у стариков, стояло несколько икон, тоже очень старых. Печь занимала четверть комнаты. Я снова попытался найти глазами дверь в другую комнату, но опять ничего не нашел. Неужели этот дом такой маленький? Да и вещей в нем было по минимуму, только самое необходимое. Все очень скромно, но уютно. Все-таки не вещи определяют атмосфе-

ру, а нечто другое.

Все это казалось мне таким родным, но в тоже время очень далеким. Опять я резко почувствовал запах этого дома, хотя он присутствовал постоянно. И тут я вспомнил. Я вспомнил! Все свое детство я ездил на каникулы в деревню к бабушке. Даже зимой, даже осенью, в слякоть. Из дома было не выйти, дождь лил дни напролет, а я сижу у печки, дрова трещат, и мне хорошо... Тепло и спокойно. Бабушка хозяйничает на кухне, а я сижу и смотрю в окно. Мне больше ничего не было нужно, только быть в этом доме. И я тут же понял, чем это пахнет у старика. Это запах варева для свиней, коров, овец и прочего скота. Бабушка каждое утро варила в чугунах такую же непонятную мне смесь. Каждый раз она выглядела несколько по-иному. То там виднелась перловка, то объедки с нашего стола, то очистки от картофеля. Помню, я все удивлялся: «Как это едят бедные животные?» На что бабушка только посмеивалась. И также пахло у нее в доме, как сейчас у Григория Матвеевича. Насколько я понял, скотины у него нет. Наверное, таким пойлом он кормит свою собаку.

– Ну, так зачем пожаловали? – прервал молчание старик и улыбнулся.

Я вкратце рассказал ему о цели нашего визита.

– Какие тут секреты долголетия? – удивленно возразил Алмаз, – у долголетия должен быть смысл. Для чего живешь? Понимать надо...

Почувствовав, что интервью началось, я предложил выйти на улицу.

Мы уселись на скамью возле дома. И только тогда, оказавшись очень близко с Григорием Матвеевичем, я обратил внимание на его лицо. Оно было смуглое и мелкое, все изжевано морщинами и складками. Внешность для старика самая обычная. Но глаза! Это были особенные глаза. Они так же были маленькими и глубоко посаженными. И это неизменно сказывалось на его чертах. Это были два глубоких тоннеля, в конце которых горели два ярко-голубых огня. Если посмотреть пристально, то в них можно было затеряться. Старик молчал, но его глаза говорили о многом. Всю его жизнь можно было увидеть в этих глазах. Это непередаваемо!

Алмаз надел на голову потрепанную черную шапку, которой он прикрыл свои редкие белые волосы. Руки его все высохли и все также дрожали. Мне почему-то захотелось обнять его. Необъяснимый трепет проснулся в моей душе к пожилому человеку.

Из-за дома показалась черная лохматая собака. Забавная она была: вся в сухой листве и репейнике, который прилип к ее шерсти, но такая счастливая! Увидев старика, она подбежала и легла у его ног. Вероятно, это она лаяла прошлой ночью.

– Это ваша? – спросил я Григория Матвеевича, показывая на собаку.

– Моя. Черныш. Старый уж... Как я! Кхи-кхи! – Алмаз рассмеялся. – Ну что, сынок? Задавай свои вопросы, – продолжил он, иронично изображая важного человека.

– Вот вы сказали, что нужно знать, для чего живешь. А для чего живете вы?

– Я-то? Я для добра живу. Да, для добра...

– А как это – для добра? То есть вы живете, чтобы помогать другим?

– Ну, не только это. Я для всякого добра живу, для чужого добра, для своего. Чтобы делать добро другим и себе, чтобы принимать добро от других и ценить его.

– Говорят, добро к себе – это эгоизм...

– Кто говорит? Это врут они. Как же можно себя обидеть? Вот хорошо себе сделать и этим же другому насолить – вот это плохо, это эгоизм. Человек должен жить для пользы какой-то. Ежели сам себе не угодишь, то несчастлив будешь. А кому несчастные нужны? Кому они помогут? Разве что еще более несчастным. А это нет... надо жизнь любить, и себя любить и людей. Вот тогда все гоже будет.

Призадумался я тогда крепко. Но в этой теме ничего не смыслил, поэтому встречных вопросов к старику у меня не нашлось. А интервью только началось, и надо было о чем-то говорить. Подумав немного и почесав затылок, я спросил:

– Расскажите о своей семье.

– Ууу... – протянул старик, – семья у меня большая. Детей у меня было четверо – три сына и дочь, да только двух

сыновей уж нет. Вот так долгожителем-то быть – своих же детей хоронишь. Нерадостно это.

– То есть не передалось им по генам долгожительство?

– Так, видать, нет. Давно уж они умерли, мне лет семьдесят было тогда. Один за другим ушли.

Предполагая, что Григорий Матвеевич сейчас загрустит, вспоминая сыновей, и наступит мучительная тишина, я хотел было сменить тему разговора. Но он продолжал:

– Резвые они были... Рано из родительского гнезда улетели, в город хотелось им. А что город? Разве там жить лучше? По мне – так ровно так же.

– Там интересней, – тихо сказал я.

– Молодым хочется интереса да забавы, это да... Но проходит это с годами. Потом понимаешь, что интерес-то всегда с тобой, в тебе он. У нас на селе знаешь как интересно! Вот мы с женой по молодости – и на танцы в клуб, и на общественные работы, и в гости к соседям... – старик блаженно заулыбался, подняв глаза к небу и предавшись воспоминаниям. – И везде нам нравилось, везде хорошо. А в городе – что? Помню, спросил как-то сына, мол, как в городе обосновался, кто в соседях, а он и не знает! Как это? Люди отдаляются друг от друга и знаясь не хотят. Где это видано? У нас в деревне с соседями всегда дружбу водили, а тут такое... Сейчас правнуки редко приезжают, скучно здесь, говорят. А я и спрашиваю, что у них в городе-то есть из веселого. Ох, уйму всего он мне назвал, уж не помню теперь. «И всю-

ду ты ходишь?» – спрашиваю. Нет, говорит, почти никуда. «А что так?» Неохота, говорит, надоело, скучно. Вот те раз! «Чем же занимаешься?» – спрашиваю. Сказал он мне много чего, да все непонятно. Но понял я, что занят он вроде как друг твой, вон! Кхи-кхи! – и Алмаз показал на Максима, который как раз спускался с крыльца и, уткнувшись в телефон, даже не смотрел на ступеньки. В итоге его нога сорвалась и он упал.

Мы в голос расхохотались со Алмазом. Максим, немного разозлившись, встал, отряхнулся и продолжил путь к красному клену, не отрывая глаз от телефона и что-то набирая в своей чудо-игрушке.

Просмеявшись, Григорий Матвеевич вернул своему лицу серьезное выражение и продолжил:

– Вот оно, все веселье. Вся жизнь их там, в этих коробочках. А ты спроси его, какого цвета небо? Он не скажет. Не знает. Ему коробочка важнее. Она ему все заменяет – и небо, и солнце и кусок хлеба. Вот и правнук мой – то же. За весельем в даль такую едут, а толку что? Ничего не берут, никуда не ходят, ничего не надо. А потом говорят, что скучно. Так весели себя, радуй! Все можно сделать. Так нет же – пропускают свою жизнь как воду через сито. А ведь какая потеха – все устроить, как хочется! Жизнь тогда почувствуешь.

– А что теперь ваши дети? Сын и дочь. Кем они стали?

– Они уж тоже целую жизнь прожили. Давно не видал я их. Сами они приехать не могут, когда только внуки привезут мне их, я старик и они старики такие же, нет уж в них жизни-то, – лицо Григория Матвеевича скривилось, было похоже, что он плачет, но слез не было, а только подбородок его быстро и часто подрагивал.

Я дал ему поплакать, молча ожидая.

– Дочь молодец у меня всегда была. И красивая и умная. Все у нее в жизни сложилось, все ладно. Муж хороший, детей двое. Она во всем хороша, Настасья – и как мать, и как

жена, и как дочь. Никогда про нас не забывала, до последнего ездила. А сын... Он хороший тоже, но... уж мягкотелый больно. И как мы с Софьей так проглядели? Женился на бабе одной, под сорок ему уж было, она и взяла его за горло! А он и ни слова не скажет. А ведь страдал! Она что прикажет, то он и делает. Разве что на цепь его не сажала. Приедет сын, бывало, сядет рядом со мной и молчит. Но чую я, слова-то у него наружу просятся, а держит что-то. В итоге дотерпелся до того, что не выдержал да и рассказал мне все как на духу. А я ему, мол, воспротивься. Он меня послушал, так и сделал. В соседней деревне они жили, так молва донесла, что ругались они так, что даже волки в лесу слышали! Из окон даже чугун вылетел, кхи-кхи! Ушла она от него, не захотела властью делиться. А Коля мой скитался с полгода безвольным овощем. Я думал поначалу, что по жене горюет, ан нет! Повстречал скоро другую. И ничего, вроде, стали жить. А потом – та же история. С тех пор он один и живет. И под каблуком ему не гоже и один ничего не может. Вот, что бывает с безвольными-то, ежели своей жизнью сам управлять не хочешь, другому доверься. А если и так не любо тебе, то пропащий ты человек...

Я, как замороженный, слушал Алмаза и пожалел, что не взял с собой диктофон, потому что записать хотелось каждое слово. Когда мой начальник назвал этого старого человека мудрецом, я посчитал это явным преувеличением. Но теперь, сидя перед ним лицом к лицу, смотря ему в гла-

за и внимая, я понял, насколько Лисицын был прав. Пока старик говорил все это, выражение его лица оставалось неизменно ровным, двигались только губы, но тоже почти незаметно. Вся глубину слов Григория Матвеевича дополнял его взгляд. Глаза, направленные в одну точку, тем не менее, выдавали некую основательность.

Я попытался не терять нить разговора и вспомнил, с чего мы начали:

– А кто еще из родственников у вас есть?

– Внуков еще шестеро да четверо правнуков. Весело у нас, как все приедут.

– А жена? Есть у вас супруга?

– А как же, была у меня Софьюшка, да тоже нет теперь. Царство небесное... Уж девять лет, как один я. А все, кажется, вчера только с ней по ягоды ходили, – старик замолчал и задумался.

– А что случилось? Она болела? – поинтересовался я.

– А? Нет, нет... Она всегда была свежей и здоровой. Так и видится мне со своими светлыми кудряшками, на велосипеде, с сумкой через плечо. Она почтальоном работала и велосипед до чего любила! Не расставалась с ним. Вечером домой возвращается, ставит его у клена того, – Алмаз показал на то самое красное дерево, – улыбается, всегда довольная. Мы это дерево, помню, вдвоем сажали, как поженились. Ох, и любовь была у нас!

– А как вы познакомились?

– Я в это село к брату приезжал в студенчестве на каникулы. А она здешняя была. Так и познакомились. Вечерами здесь много молодежи-то собиралось. Песни пели да в кар-

ты играли, а ближе к ночи все по парам, по парам... – старик хитро улыбнулся. У меня не было пары и у нее тоже, так и сошлись. А ведь танцы еще были в доме культуры! Но это уж только по праздникам.

– Так что же все-таки с ней случилось?

Старик не сразу понял, о чем я:

– Так ничего... Бог, видно, отмерил ей столько. Мы ровесники были. Ее нет, а я вот живу отчего-то... Девять десятков отжила.

«Точно! Вот я дурак! Глупости такие спрашиваю. Естественно она умерла от старости. И так 90 лет прожила! Тоже долгожительница».

– Вы упомянули свое студенчество. Где вы учились?

– Медицинский институт я закончил. Хирургом стал. Это моя мечта была с детства.

– А расскажите поподробнее о годах учебы...

– Трудно мне все давалось, я сильно переживал. Преподаватели меня ругали, говорили, что руки у меня кривые и грубые – только свиной колоть. На практике, помню, долго не допускали, до операций. Тягостно все это для меня было. Женщина одна, из медсестер, посоветовала мне упражнения делать, руки тренировать. Так я день и ночь их делал, так хотел оперировать. Но в итоге помогло мне. Главный профессор стал разрешать участвовать в процессе, но сначала только в качестве помощника. Мало давали делать, все больше смотрел, следил за каждым движением рук опытных вра-

чей, каждую мелочь ловил. Смеялись надо мной сокурсники – тебе, мол, не дано, что толку смотреть? А мне все равно было, я даже и не слышал их почти. Был один у нас, вроде меня «неумеха», так затюкали его бедного, так затюкали, что ушел он, недоучился. А ведь глаза горели у него! Кто знает, может, вышел бы и из него толк? Дак только как теперь узнаешь... Он даже и не опробовал себя в деле-то. А я – нет, я упертый был. Не видел я для себя пути другого, вот и все. Ну, ругали, что с того? Я-то знал, что смогу! Ежели каждый про себя чужими мыслями думать будет, что тогда с тобой станется, человек? Нельзя эдак, нельзя... Долго, в общем, я к этому шел, ко врачебной практике. На последнем курсе наши ребята уже все полностью операции вели, а мне только после окончания института через год позволили. Потом еще лет пять навыка набирался, все доказывал, что могу оперировать. Но, несмотря на это, я был очень счастливый, что занимаюсь любимым делом.

Я даже был немного удивлен такой историей:

– Почему вы были так уверены, что у вас получится, что вы сумеете?

– А человек все сумеет, сам только часто не ведает, что сумеет. Надо помнить всегда, что ты – человек! Вот так! А человек, он все может, он великий! Силы в нем немеренно! Главное – слезы не лить и не поддаваться! Не верить тому, что про тебя судачат! – Алмаз даже разозлился. – Когда учился я, часто так думал и сердился про себя, что не ве-

рят в меня никто. А потом понял, что я сам себе поддержка и опора, и вера и доброе слово! Пускай говорят про тебя, что хотят, а ты, знай, делай свое и глазом не вежи!

Какой стержень виделся в этом, казалось бы, слабом старом беспомощном человеке! Я поразился и не мог ничего ни сказать, ни спросить, а только хлопал глазами.

В этот момент его собака по кличке Черныш резко пристала, прислушалась и громко залаяла. Это проходили неподалеку двое деревенских мужиков. Увидев Алмаза, сидящего у дома, они поздоровались с ним, махая руками и выкрикивая невнятные слова. Старик ответил им тем же. Черныш все лаял.

– Ну, полно, полно... – сказал ему Алмаз, почесывая его за ухом.

Пес сразу же притих. Я немного отвлекся и продолжил беседу:

– Так вы, значит, в городе работали и жили?

– Ну, это во время учебы да в войну. А так, отсюда я родом, из другого правда села, здесь неподалеку. Дивные они, наши места, душа здесь отдыхает.

– Поэтому вы решили вернуться?

– Нет, я в городе думал остаться. Да вот сюда на побывку как-то приехал, на каникулы, и Софьюшку повстречал. Погуляли, помиловались, а потом уж и определяться надо было, как дальше-то... Не хотела она в город, мне, говорит, здесь все родное. А для меня работы в большом городе больше. Споров у нас с Соней из-за этого не было, а только перед выбором стояли, все взвешивали, как лучше будет. До того дошло, что я даже монету подбрасывал: орел выпадет – в город

поедем, если решка – здесь останемся. Орел тогда мне выпал. Да только понял я, что когда подбрасывал, хотел, чтоб решка вышла, остаться хотел ради Софьюшки да для души. Жизнь хороша, когда мы следуем своим желаниям. Наши истинные мотивы судьбу определяют. Так что остался я здесь.

«Какой интересный подход» – подумал я, а старику сказал:

– Ради любимой пожертвовали своими желаниями, своим будущим...

– Да что ты! Нет. Не знал я своего будущего без нее. Ради Софьи я на все готов был, а уж на такой пустяк... Какие уж там желания? С ней жизнь прожить – вот желание мое каково было. Никогда мы порознь не были, поругались-помирились, мягкая она была, душевная. Бывало, в порыве сердитом хотел я сказать ей слово гадкое, а со временем понял, что думать надо прежде. Прежде, чем сказать дурное человеку, спроси себя сначала: «А лучше ли будет? Сроднюсь ли я с ним еще ближе, коли скажу?» Если нет, тогда и язык прикусить надобно. Часто мы беседы по вечерам водили, как дети уснут. И до того с ней сладко было, как теплым солнцем согретый! И стара стала, а все та же – расчесет гребнем волосы поседевшие, потом соберет их, брошку наденет – любила она брошки, платок цветной на плечи накинет и выходит на крыльцо, сидит, вяжет дотемна. И ни слова бранного, ни косога взгляда никогда не видел я у нее. Все «Гришенька, Гришенька...», «Не голодный ли ты?», «Не за-

мерз ли ты?», «Отдохни, не усердствуй...» Заботлива была очень. В последнее время часто мы с ней на крыльце по вечерам сидели, закатом любовались. А как руки замерзнут, так возьмемся за руки и греем друг друга. Молодежь, бывало, пройдет, глянут на нас и смехом заливаются, мол, старики, а все туда же. А мы и вторили им, тоже улыбались над собой.

– И как вы обосновались здесь уже своей отдельной семьей?

– От колхоза дом этот дали. Я стал работать в сельской больнице. Софьюшка почтальоном была. Так и работали всегда. Потом дети стали рождаться... Обычное дело. Как все жили, так и мы.

– Сейчас вот наоборот – все больше людей не хотят быть как все, хотят отличаться, быть особенными. Некоторые даже готовы закон переступить для этого... А вы сознательно хотели быть как все.

– А что плохого в этом? Оно, знаешь ли, не просто так все. Не просто так люди из поколения в поколение живут по одному сценарию. В этом, значит, есть что-то. Что-то разумное. Значит, людям так удобно. Предки наши, наверно, в свое время тоже по-всякому жить пробовали, а выбрали всего один такой вот уклад. Работать да детей рожать – многим по душе. Все разные, это да. И в моей жизни встречались те, кто против порядку, все по-своему делали. Одни ребяташек не рожали, не хотели, а только все по миру катались. У другого работа по тем меркам негодная была, а ему нра-

вилась. Они, значит, другие, им надо другое. Общее не подходит им, вот они и ищут. Не могут все люди одинаковыми быть.

– Тяжело вам было четверых детей прокормить?

– По-разному бывало. То вроде ничего, хватает всего, а порой не знаешь как на хлеб наскребсти. Туговато было временами. Но ничего, мы носы не вешали, а работали. Труд, кстати говоря, он хорошая вещь. За работой некогда скучать, да и дурным мыслям в голове нет места, когда работаешь. Любил я это дело. Но детей одно время почти не видел. Они не обижались на меня за это и что хуже одеты, чем другие ребята, все понимали, такие малые были, а смышленные. Дружная у нас семья, любовь друг к другу была. Знаешь... Вообще, когда любишь, то есть смысл. Смысл всего, для чего жить. И ни времени не жаль, ни сил. Когда любишь, не замечаешь этого. Жаловаться на жизнь я не привык, не думаю, что она меня чем-то обидела. Жалость к себе – дурное дело, гиблое. Сколько таких у нас по деревне ходит, спиваются люди. А отчего? Нет работы? Да, работать нынче негде у нас, но не в этом дело. Жена не гожа или дети глупые? Нет же. Не от этого люди гибнут, а от жалости к себе, от нее-злойдейки. Нельзя себя жалеть, как один раз слабинку дашь – так и все, считай, пропал человек, были плохи его дела, а станут еще хуже.

Впервые я встретил человека, говорившего много без остановки и слова которого были полны смысла и мудрости.

Обычно болтуны несут чушь, много лишнего, непонятного и неприятного. Но старик был болтуном другим. Кажется, он мог бы говорить от рассвета и до заката, позабыв про завтрак, обед и ужин, и лишь изредка прерываясь, чтобы посмотреть в поле. Вот и сейчас он замолчал и устремил свой взгляд далеко за горизонт.

Прокрутив в голове свои предыдущие вопросы и ответы на них, я решил спросить Алмаза совсем о другом:

– Вы сказали, что ваша молодость приходилась на годы войны... Как вам далось это время? Наверно, воевали?

– Да нет... Смешно даже сказать. Как война началась, я, бог знает где, подхватил пневмонию двухстороннюю. Меня в лазарет положили. Потом осложнения пошли на органы дыхания. В общем, провалялся я там полгода. А тем временем туда стали раненые поступать. Врачей не хватало. Как узнали, что я медицинское образование имею, так стали спрашивать медсестры, кто неопытный, как и что делать нужно, как лечить. Так вот, сначала советом помогал, а потом, как мне полегче стало, стал сам осколки вытаскивать, да раны зашивать. Всю войну так и пробыл в лазарете. Хоть там сгодился. Но побиться с врагом хотелось все же.

– Так вы – ветеран войны?

– Да, награду дали, – сказал Григорий Матвеевич равнодушно.

– Ваши дети и внуки, наверно, вами гордятся...

– Наверно... Они ведь не знают, что это такое – война... Я и сам толком не знаю, так, немного захватил. Знают ее только те, кто бился, да они все больше молчат, не любят про это говорить. А и то верно – зачем раны беречь? Много стра-

даний вынесли. Что толку рассказывать бедному про голод сытым? Так и здесь. Ладно, что мы загрустили? Чего веселое спроси. Я расскажу. Кхи-кхи!

– Я вижу, вы сами хотите рассказать. Были у вас, наверно, смешные истории.

– Кхи-кхи-кхи! Да, довольно и радостей было. Ох, помню, потеха была, кхи-кхи-ии-и! Сколь живу, а все помню. Как просят рассказать смешное, я тот случай сразу вспоминаю.

Мне стало крайне интересно, что же такого смешного мне может поведать старик. Я смотрел на него внимательно и с нетерпением ждал, когда же он начнет рассказ.

– Мы с Софьюшкой как поженились, так стали вместе в баню ходить. А она все стеснялась меня. И чтоб не смотрел я на нее больно пристально, все время зажметя в углу да придумывает всякое, чтоб отвлечь меня: то воду заставит наливать, то послышится ей что-то в предбаннике, иди, мол, проверь, то еще чего. И в тот раз засмушалась опять, а уж понимает, что кончились придумки-то, что все я их знаю. И тут увидела она лягушку под кутником. Откуда только взялась? Софья не боялась их, а только сцену стала разыгрывать, что испугалась. Кричит мне, мол, сделай что-нибудь, «Водой ее, водой!» – Григорий Матвеевич сделал свой голос немного писклявым, изображая жену. – А я как раз с ковшом холодной воды стоял. И в это самое время лягушка эта в два прыжка как прыгнет Софье на спину! Кхи-кхи-кхи-кхи! Она завизжала, с лавки вскочила и ко мне. А я с ковшом! С ледя-

ной водой! Толкнула меня Соня, и вся вода на нее. Она заерзала, руками замахала, подскользнулась и упала навзничь на спину! И лежит. Руки-ноги в разные стороны раскинуты. И обмерла вся, встать не может, глаза в испуге. Кхи-кхи! А я, знай себе, хохочу. Она полежала, да и тоже засмеялась. После того случая уж не стеснялась. Кхи! Люблю я это вспоминать, мило мне, сердцу все мило, что с Софьюшкой связано.

– А сами вы шутили над кем-нибудь?

– И такое было, да... Жил у нас в селе одно время паренек, я сам тогда еще молодым был, так что мы ровня с ним были. В то время я уж лечил здесь своих сельчан. И с парнем тем, Мишей мы в приятелях ходили. А потом по воле случая поставили Мишу небольшим начальником в колхозе. Так он так возгордился! И со мной уж здороваться перестал и даже головы не поворачивал в мою сторону. Обидно, конечно, было, ну, думаю, бог с ним. Но вскоре захворал он. А кроме меня в медицине на селе никто не разбирался. Так и привели его ноженьки ко мне. Рассказал о своих печалях, мол, все тело ломит, силы нет, а через неделю ехать надо в районный центр на первое собрание, пропустить никак нельзя да и репутацию наработать надо. А сам сидит, чуть ли слезы не льет. А между тем не извинился за свое поведение. Я осмотрел его, головой покачал, мол, дела твои плохи. А Миша рассердился и закричал: «Да ты же врач! Делай что-нибудь! Тебе колхоз деньги платит, чтоб ты людей лечил, а уж начальство и подавно!» Совсем мне это не понравилось и я

ему отвечаю так спокойно: «От беды твоей есть одно средство, не медицинское правда, но действует наверняка, бабушкин метод». Михаил Давыдович глядел на меня своими черными глазами, говоря ими, что на все согласен. Так я «прописал» ему всю неделю до самого собрания кушать свежевыкопанных дождевых червей по сто грамм три раза в день. Кхи-кхи!

– И что, он ел? – недоумевал я.

– А то! Как миленький! Кхи-кхи! Репутацию-то надо на собрание везти! Кхи-кхи! Супруга его, Клавдия Федоровна, пришла ко мне на третий день, упрасивала: «Нельзя ли сроки лечения сократить, а то Мишеньке есть такое лекарство совсем невозможно!» И правда ведь ел! Кхи-кхи!

– А чем он болел?

– Простудой обычной... – спокойно ответил старик и с важным видом устремил свой взгляд куда-то вдаль.

– Он так и не узнал этого?

– Нет. Но поправился все же, кхи-кхи!

Тут и я расхохотался.

– Это прямо какая-то злая шутка, Григорий Матвеич! – попытался пристыдить я Алмаза.

– Злая-не злая, а поучительная! Заслужил он это. Со всеми сельчанами так обращался, разве можно? Люди-то все живые. Потом уж рассказал я одному про этот случай, так он смеялся так, что пришлось давать ему валерианы. Скоро история эта разнеслась по всей деревне, и до самого Миха-

ила Давыдыча дошла. Злился вначале, грозил мне ответом, но потом отчего-то, напротив, присмирел и добрее стал к людям. А односельчане, кажется, меня после того случая еще больше зауважали.

– Да... весело у вас в деревне... – задумчиво улыбаясь, заметил я.

– Веселый нрав жизнь лучше сделает! – ответил Алмаз.

Над нами закружили две птицы. Они в полете пытались догнать друг друга. Старик поднял голову и долго ими любовался.

– Видишь, озорство, оно тоже нужно. Даже птицы и звери играют.

– А что это за птицы? – поинтересовался я.

– А кто их разберет... Я плохо вижу теперь.

Интервью надо было продолжать, и я спросил:

– А какой ваш распорядок дня? Сейчас и раньше.

– А бог его знает, какой!? Встанешь утром, на работу идешь, после работы – домой, по хозяйству дела, скот накормить, починить чего... Ежели время есть, с детьми побудешь. А там уж и спать надо. Вот и порядок весь.

– А сейчас как?

– Ууу... Сейчас гуляю только. Ем да сплю. Кормить детей не надо, все большие уж. Кхи-кхи.

– А что вы едите?

– А все ем. Картошку, кашу люблю, овощи с огорода, хлеб. Обычное все. А вообще я очень халву люблю. Тут редко продают у нас, так мне детишки привозят, как в гости приезжают.

– Вы сказали про овощи. У вас огород есть? И вы сами за ним ухаживаете? – я искренне удивился.

– Нет, милый. Есть у меня тут помощница Тося, она мне со своего огорода все приносит. Да и по хозяйству много помогает – то дров принесет, то в доме приберет. Что уж, немощный я, силы-то нет в руках, да и спина не гнется. Куда бы я без нее...

Я заинтересовался:

– А кем она вам приходится? И почему помогает?

– Она не родня мне, если ты про это. А так, добрый человек. Сердечная. Судьба вот только тяжела у ней. Ей уж сейчас поди сорок лет, аль сорок пять... Всегда здесь жила, в нашем селе. Муж у нее, Антип, хороший был мужик. Да только так случилось, что в драку чужую влез. Есть у нас одна семья Вороновых, живут на другой улице. В тот день бранились они сильно. И Прохор взял да и побил Галку. Она кричала так, что все село слышало. На помощь звала. Дети их по углам попрятались. Ну, Антип и вызвался женщину спасти. Не дело, мол, что мужик бабу бьет. Прибежал и навалял Прохору. А Галка еще пуще завизжала «Не смей моего мужа трогать!» И Антипа выгнала. А наутро пошла и написала на него заявление в милицию. Так Антипа ни за что ни про что в тюрьму. Вишь, как вышло! Человек добро хотел сделать, а его за это наказали! Добро и зло рука об руку ходят. Никогда не знаешь, как тебе что обернется. Три года ведь пробыл там! А вышел уж не тот. Чуть что – сразу за ружье хватается. Злой. Тосю бить начал. Вот так бывает. И до того дошло, что сына в гневе застрелил. Но ненароч-

но правда, случайно так вышло. Пить с горя стал, вино-то понимал свою. Да и допился, что помер. Тося тогда вся осунулась, бледная ходила, поседела даже. У нее ведь еще дочь осталась, Танюшка. Так та ее и вернула к жизни. Дети ведь внимания просят – покормить надо, уроки делать. Года два назад жениха нашла и в город уехала. Но навещает мать часто. Когда приезжает, Тося пореже приходит, но не забывает все равно. А так ведь скучно ей одной-то, вот и помогает мне. Бывает, придет, чаю приготовит. Посидим, поговорим. Новости какие расскажет... Она по натуре хохотушка, веселый нрав у нее, легкий. Даже трудности ее не поменяли. А я уж больно рад.

«Да... История... Я и не думал, что в деревнях такие „мексиканские страсти“ бывают». Я постарался не терять нить разговора:

– Есть ли у вас полезные привычки?

Григорий Матвеевич посмотрел на меня внимательно, и во взгляде его читалось легкое разочарование:

– Ты, я смотрю, все точности какой-то хочешь. Еда, привычки... Да разве это важно? Нынче все хотят знать, какую таблетку выпить, чтоб здоровым быть. Ребятки, если бы все вот так просто было! Выпил – и здоров. А душа как же? В нее никто не смотрит, словно нет ее у человека-то. Любая болезнь, она головой всегда лечится. Если душа не болит, так и тело болеть не будет. Это я как врач говорю. Полезные привычки... Что ты под этим понимаешь?

– Я? Ну спорт, питание... – я говорил это как-то неуверенно, понимая, что произношу избитые фразы из СМИ.

Старик снова посмотрел на меня, а потом перевел свой взгляд в поле, в самую даль:

– Эх, молодежь... Ничего-то вы не понимаете... Вы все по верхам, по верхам... Думаете, чтобы жить – хорошая привычка нужна? А какая? Каждому свое ведь. Кому-то зарядка утром духу добавляет, а кого-то добивает. Вон правнук у меня... Соня такой, что ого-го! До самого обеда спит. А ты попробуй, разбуди его в девять. Живой труп, не иначе! Кхи-кхи! Какая уж ему зарядка! Зато выспится – и счастливый ходит. Вот ведь как! Или взять книги. Хорошая ведь привычка – читать книги? Но книга книге рознь. Бывает, перечитаешь с десятков и что? Ума прибавилось? Порой кажется, что, напротив, -убавилось. Дочь как-то привезла гору книг своих ненужных, говорит «в печь на растопку». А я возьми да и загляни. Ой, чего только не пишут нынче! Кто во что горазд! Раньше хоть цензура была, сейчас, видно, все печатать можно. Или время просто другое... Верно, только печь топить ими. Кхи-кхи!

Наступило долгое молчание. Я мысленно стал сравнивать время старика и наши дни.

– Да, разница огромная, – сказал я. – Наверное, я бы даже хотел пожить в те годы, когда ваше поколение было молодым. Многие это время ругают и, может они в чем-то и правы... Но сейчас я понимаю, что у той эпохи было, на мой взгляд, несомненное преимущество – если ты не знаешь, чего хочешь, то государство это знает за тебя, горевать не даст от скуки. Оно тебя направит и займет делом.

– Это да, это верно подметил, – сказал старик очень уверенно, приняв авторитетное выражение лица. – Некогда было горевать да о жизни рассуждать, все в делах, в работе, уставали правда, но это ерунда все, пустяки... Если радоваться умеешь, то ничто не страшно, ничто тебя не сломит, никакое дело, никакое горе. Бывало, так уставал, что засыпал на крыльце прямо, кхи-кхи! Сил не было в избу зайти. Тяжело, конечно... Но это благо большое – трудиться. А уж если дело по душе – то чистое счастье, а не жизнь! От любимого дела, знаешь ли, дни-то песней льются! Так что помни: нельзя без дела. Без дела пропадешь, погибнешь.

– А как вам удавалось сохранять любовь к жизни, несмотря на трудности и усталость?

– О, друг... Для этого желание нужно. Нужно хотеть жить.

Бывало, чувствую тоска накатывает, а я ее – делом!

– И что, прямо с каждой печалью так получается расправляться? А если что-то серьезное? Если ничего не радует? – спросил я и тут же понял, что про себя спрашиваю. Понял это и старик, пристально посмотревший на меня.

– А коли ничего не радует, то это, значит, дело прошлое. Вспомнить надо, что тебя так расстроило. Давние обиды, они словно груз, к ноге привязанный – пока не разберешься да не простишь, так с собой и будешь таскать. Большого и легкого шага не даст тебе она сделать. Многие люди всю жизнь так и таскают свои обиды на себе и лелеют их. А где в этом прок? Гордость потерять бояться? Так с тобой она останется, никуда не денется. Люди думают значимость свою показать обидой, но фальшивая она. Если тебя уважают, то и не обидят. А если ты сам себя уважаешь, то и не обидишься. К чему себя травить? Тот, кто себя любит и ценит не в жизнь не позволит душу свою поганить.

– Трудно поверить, что вас кто-то может обидеть...

– Ну так... и я был молодой да глупый. Пониманье-то, оно потом приходит, не один десяток лет может пройти. Был у меня товарищ один, Семен. Жили близко и часто с ним за дровами ездили в лес. Он лесорубом был и свой трактор имел исправный, на нем и ездили. А однажды он сломался. А что делать? За дровами-то ехать надо! Был и у меня тракторишко старенький, без дела возле дома стоял. Сеня говорит, давай, мол, на твоём? А я чего? Давай, говорю. Кое-

как завел его товарищ-то, мы взяли пилы и поехали. Забрались вглубь леса, деревьев – тьма! А у Семена, смотрю, глаза что-то забегали, словно черти в них пляшут. Он ведь все места знал, все делянки. Из трактора не вылезает, а все думает чего-то. «Нет, – говорит, – в другое место поедем!» Приехали в другое, спилили сколь надо, загрузились да уехали. А как вернулись, он и говорит: «У тебя пусть так пока останутся». Дрова-то. Ладно, говорю, коли мне жаль? А следующим утром уж вся деревня меня вором называла. Трактор – мой, дрова – у меня. А делянка-то – чужая! Нас видали в лесу! Нарочно Сеня чужое взял. Только за меня он не вступился! И себе ведь дров не успел отделить, ну уж они не нужны ему стали теперь, лишь бы на него не подумали. Вот так. Лишился я тогда и друга и доброго взгляда. Долго потом понять не мог – за что он так со мной? Дела мои от расстройства неважно шли, пропал интерес. А потом и думать перестал про это. Что толку? Уж не воротишь ничего, так-то... Мысли тягостные отравляют жизнь, и дело твое – не позволить этому случиться. Иначе вся жизнь нарушится. Если что случилось – забудь. Не думай о плохом более минуты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.